

Вэй Анъюань глубоко вздохнул, его лицо выражало полное недоверие:

— Четвертый молодой господин Е, у тебя еще поворачивается язык называть меня изнеженным? Кто это после каждого мытья рук мажется мазью с рыбьим жиром? И у кого это в сумке для книг всегда лежит собственноручно отутюженная бумага?

— А сам-то ты моей бумагой не пользовался? — парировал Е Мянью. — Я каждый день таскаю в сумке такую тяжесть ради кого? У служанок в нашей усадьбе работы прибавилось вдвое, а я еще не требовал платы с вашей Резиденции премьер-министра.

Вэй Анъюань никогда не мог переспорить языкастого Е Мянью. Он долго тыкал в него пальцем, пытаясь выдавить хоть слово, но так и не нашелся что ответить. В конце концов он просто встал, взмахнул рукавами и пошел прочь. Е Мянью со смехом бросился вдогонку, обнял его за шею и принялся дурачиться. Пихая и пиная друг друга, они побрели по крытой галерее обратно к учебному классу.

Кое-как пережив урок сочинения, стоило только Старику Сюэ уйти с книгами под мышкой, Е Мянью, Вэй Анъюань, Ли Чжао и остальные накинули плащи и плотные шинели и направились напрямик в юго-западный угол Императорской академии Гоцзысюэ.

Там рос сливовый сад. В эту пору года он должен был полыхать ярким огненно-красным цветением, но по какой-то причине весь сад высох и стоял серым, безжизненным и мрачным. Подобные места неизбежно обрастали жуткими историями о призраках, поэтому сюда почти никто не заглядывал, что было только на руку компании из Двора Цижуй, устроившей здесь удобный «черный ход».

Служки из академии уже подложили под стену несколько камней. Ловкие юноши легко взбирались на них, цеплялись руками за край стены и одним прыжком оказывались наверху. Е Мянью взобрался первым и по очереди затащил Вэй Анъюаня и остальных. По ту сторону стены их давно поджидали слуги и экипаж из Резиденции премьер-министра.

Под стеной лежали стога сена, так что все пятеро благополучно спустились на землю и забрались в экипаж. Все их движения были четкими и слаженными — чувствовалось, что делали они это далеко не в первый раз.

Экипаж подъехал к задней двери Башни Юйсянь, где их уже ждал управляющий. Он лично проводил знатных молодых господ в их излюбленную отдельную комнату. Управляющий Башни Юйсянь прекрасно знал свое дело: понимая, что юноши сбежали из Императорской академии Гоцзысюэ, он всегда проводил их через черный ход и выделял самый уединенный кабинет, чтобы они случайно не столкнулись с другими посетителями.

Зная, что один из молодых господ сильно мерзнет, слуги расставили в комнате несколько жаровен, в которых тлел первосортный Уголь «Серебряный иней», так что внутри было очень тепло.

— Живее, сегодня я угощаю! Выбирайте, чего хотите, да побыстрее.

Молодые растущие организмы быстро проголодались. Из-за утренней лени они успели лишь на ходу проглотить пару мясных лепешек в экипаже, чего явно не хватило на все утро занятий. Е Мянью, у которого от голода уже сводило живот, едва сев за стол, принялся торопить остальных с заказом.

На столе уже стояло несколько их любимых холодных закусок. Пока Вэй Анъюань и Ли Чжао

ходили умыться, пришедшие с ними Вэнь Сюнь и Жуань Юньшэн заказали еще пару блюд. Жуань Юньшэн был сыном левого цензора Палаты надзора, а Вэнь Сюнь — сыном заместителя министра ритуалов. Эта пятерка обычно развлекалась вместе, и именно они устроили утренний переполох. Не признающие никаких авторитетов, они изрядно мотали нервы Инспектору дисциплинарной палаты академии.

Е Мянью добавил еще пару блюд, которые любил Вэй Анъюань, и отправил слугу на кухню. К возвращению Ли Чжао и Вэй Анъюаня Вэнь Сюнь уже вовсю уплетал еду. Он запихивал в рот один за другим рулетики из оленины со шпинатом, так что его щеки раздулись. Ли Чжао при виде этого лишь покачал головой и усмехнулся:

— Сюнь-эр, если продолжишь так есть, в следующий раз через стену перелезть не сможешь.

Все дружно расхохотались. Вэнь Сюнь обиженно отложил палочки. Подавляя смехок, Е Мянью налил ему пиалу супа из пекинской капусты:

— Сначала выпей супу. Он займет место в желудке, и ты уже не сможешь съесть так много.

Этот Вэнь Сюнь был пухленьким, но на редкость симпатичным малым. Круглое белокожее личико отличалось удивительно тонкими, правильными чертами. Обычно, если человек умудряется выглядеть красивым даже при лишнем весе, в будущем из него точно вырастет писанный красавец. Именно поэтому друзья так пеклись о его аппетите.

На самом деле, по меркам Е Мянью, Вэнь Сюнь был лишь слегка полноват, а весь его «лишний вес» сводился к детским щечкам. Однако в Династии Великая Вэнь ценились подтянутые, статные мужчины, и внешности придавалось огромное значение. Красавцы продвигались по службе куда быстрее остальных. Даже Вэй Анъюань с Ли Чжао выбирали друзей по внешнему виду. Другие соученики из Двора Цижуй не раз пытались влиться в их компанию, но, не пройдя отбор по красоте, неизменно получали от ворот поворот от привередливых молодых господ.

Год назад госпожа Вэнь взялась за питание сына, опасаясь, что он превратится в неповоротливого толстяка. Но бабушка души не чаяла в любимом внуке: то открыто мешала диете, то втайне подкармливала его. В итоге сбросить вес Вэнь Сюню так и не удалось. От этого госпожа Вэнь только лила слезы; не смея перечить старшим вслух, она втайне перебила немало ваз.

Характер у Вэнь Сюня был избалованным и своенравным. Среди сверстников он слушался только Е Мянью — ну и еще Вэй Анъюаня, который вел себя еще более вызывающе. Вот и сейчас: стоило Е Мянью велеть ему пить овощной отвар, он пил, и послушно ел все, что тот клал ему в тарелку. Ни следа от его обычных капризов и привередливости в еде. Остальные давно к этому привыкли.

По происхождению Е Мянью стоял ниже всех четверых, да и по возрасту не был среди них самым старшим, но за полгода незаметно стал их негласным лидером. Даже высокомерный Вэй Анъюань уступал ему во многом, что заставляло наставников Императорской академии Гоцзысюэ лишь диву даваться.

Увидев, что Вэнь Сюнь ест только то, что ему подкладывает Е Мянью, Вэй Анъюань нахмурился и резко бросил:

— Вэнь Сюнь, у тебя руки просто пухлые, а не короткие. Сам дотянуться до блюд не можешь?

Ли Чжао и Жуань Юньшэн прыснули со смеху.

Получив за один обед уже вторую колкость, Вэнь Сюнь хотел было вспылить, но побоялся связываться с Вэй Анъюанем, отчего лишь густо покраснел от обиды.

Е Мянью подцепил палочками кусочек жареного мяса и протянул Вэй Анъюаню. Тот из упрямства отодвинул пиалу, не давая положить еду, тогда Е Мянью просто сунул мясо ему прямо в рот:

— Ешь давай и поменьше болтай.

Жуань Юньшэн аж покотился со смеху:

— Братец Мянью просто вошел в роль старшего брата. Анъюань, уступи ему на этот раз.

Вэй Анъюань холодно хмыкнул и пробурчал себе под нос:

— Его самого собственный идеальный братец с ума сводит, а он еще тут в старшие братья метит.

У Е Мянью вмиг пропал аппетит. Стерев с лица улыбку, он отложил палочки:

— Вы дадите мне спокойно поесть или нет? Обязательно наступать на больную мозоль?

Той самой больной темой был его старший брат.

В прошлой жизни Е Мянью родился в самой обычной семье, но вот его брат обычным не был. Он был на четыре года старше и с самого детства словно взломал эту жизнь: красивый, прилежный в учебе, с высочайшим интеллектом и развитым эмоциональным интеллектом. Начиная со средней школы он шел без единого препятствия и в итоге без экзаменов поступил в Пекинский университет — лучший вуз страны. Стоило родителям заговорить о нем при посторонних, они сразу расправляли плечи от гордости, а родственники, коллеги и соседи лишь завистливо вздыхали.

Особенно усердствовал отец. Он без конца повторял, что их семья, должно быть, совершила немало благодеяний в прошлых жизнях и над могилами предков поднялся священный дым, раз такой выдающийся сын родился у него, простого и неотесанного человека. Отец берег старшего сына как зеницу ока: о еде, одежде и карманных расходах и говорить не стоило — вся семья из кожи вон лезла, чтобы обеспечить его лучшим. Отец работал на износ, но, как бы ни был занят, каждый день находил время поговорить со старшим. Даже во время командировок он звонил ему каждый вечер без исключения. Однако Е Мянью, с детства живший в тени своего блестящего брата, не удостоился такой удачи. Отцовской любви на двоих не хватало, и почти вся она доставалась старшему, а младшему оставались лишь невнимание и отмашки.

Е Мянью было очень горько. Мальчики в детстве всегда тянутся к отцу, и столь явное неравенство маленький Е Мянью не мог ни понять, ни принять. Он капризничал и устраивал истерики, что вызывало у отца лишь еще большее раздражение. Если отец изредка и упоминал младшего в разговорах с посторонними, то лишь с досадой вздыхал, жалуясь на его скверный и невыносимый характер.

Повзрослев, Е Мянью понял, что слезами и криками отцовской любви не добиться, и стал подсознательно во всем подражать брату. Заметив, как отец любит хвастаться перед родственниками тем, что старший без экзаменов поступил в Пекинский университет, Е Мянью

твердо решил во что бы то ни стало тоже поступить туда.

Старший брат из клана Е был умен, но и Е Мянью не уступал ему — с малых лет он числился среди лучших учеников. К несчастью, Е Мянью был прописан в провинции с огромным числом абитуриентов, где конкурс в Пекинский университет был невероятно высок. Несмотря на непонимание со стороны семьи, он упрямо подал туда документы и, как и следовало ожидать, провалился.

В год подготовки к пересдаче Е Мянью, стиснув зубы, учился на пределе сил, готовый буквально привязывать волосы к балке и колоть бедро шилом, как делали древние мудрецы. Он натерпелся немало лишений, но упорство принесло свои плоды — в конце концов он успешно поступил в Пекинский университет.

<http://bllate.org/book/18289/1753808>